

АЛЕКСАНДР ЕВСТАФЬЕВИЧ МАРТИНОВ

Тяжело мне начинать сегодняшнюю беседу, потому что должен говорить о событии, которое одело Петербург трауром, не тем внешним, наружным трауром, под которым очень часто скрывается полнейшее равнодушие, а трауром истинным, без наружных признаков, без черного платья и креповых повязок, выражающимся невольными слезами, незримой, но тяжкою болью в сердце. Я не превеличиваю: известие о смерти нашего милого, нашего несравненного Мартынова поразило всех нас так, как будто у каждого из нас умер родной, сердечно-близкий, дорогой человек. Со слезами на глазах сообщали друг другу это глубоко-грустное известие, только о нем и говорят теперь в городе; при имени Мартынова стихает веселье; с самого беззаботного лица сбегает улыбка, уступая место выражению непритворной печали.

Нет нашего Мартынова, этого великого художника и благороднейшего человека. В слезы мой желал бы я обмакнуть перо, чтоб передать ту печаль, которая овладела мною, которая овладела всеми знавшими и любившими его: а знали и любили его все в нашем городе, все до единого. Слова, впрочем, тут бесполезны; никакое красноречие не в силах сказать более того, что говорят два слова: НЕТ МАРТИНОВА!

И умер он не в родном своем городе, а далеко от него, далеко от горячо-любимой семьи, от многочисленных друзей. Тяжело были страдальцу предсмертные минуты: не было около него нежной и преданной жены, не было малюток детей; не простился он с ними последним целованием, не взглянул он на них в последний раз, прощаясь с жизнью, которая вся была любовью к ним.

Болезнь, от которой скончался Александр Евстафьевич, иногда медленно, но всегда верно-действующая, обнаружилась явно года три тому назад. Он захворал летом, в Павловске, так, что опасались за его жизнь; но предпринятая им поездка за границу, благословенное небо Италии и эмские воды восстановили его упавшие силы. Впрочем он несовершенно поправился; весной 1859 года снова отправился в Германию, снова пил эмские воды, и, на этот раз, возвратился в Петербург с запасом новых сил. Родные и друзья стали надеяться за Александра Евстафьевича. Он сам говорил, что не узнает себя. Всю прошедшую зиму трудился он неутомимо, являясь беспрестанно в наиболее трудных, в наиболее требующих физических и нравственных усилий ролях своего обширного репертуара. Мне случалось видеть его утомленным после роли; но я видел, как и В.А. Каратыгин, человек здоровья колоссального, утомлялся от любимой роли, сыгранной с увлечением. Бывали с Александром Евстафьевичем: одышка, кашель, но с этим люди живут долго. Притом-же в лета Александра Евстафьевича, болезнь легких может продолжаться долгие годы. Такими рассуждениями успокаивали себя все близкие и друзья его; да и сам он нередко успокаивал ими себя и своих близких.

— Теперь уж я не лечиться еду, а денег добывать, говорил он, собираясь в путь, из которого ему не суждено было воротиться.

Сначала он отправился в Москву, где дал несколько представлений. Там, хоть и недавно покинул он семью свою, вдруг овладело им непреодолимое желание повидать жену и детей: он уехал тайком, между двумя представлениями, пробыл в Петербурге только день, и явился в Москву почти к самому опентаню.

Кончив ряд представлений, Александр Евстафьевич отправился вместе, с А.Н. Островским, на юг. В Воронеже он играл, собрал денег и тотчас-же отправил их к жене. "Вот тебе деньги", писал он ей,

"которые упали мне с неба".

В Одессе он также дал несколько представлений с блистательным успехом. Александр Евстафьевич, как и все гениальнее люди, был необыкновенно скромн; никто никогда не слышал, что он говорил, как это делают многие, даже даровитые актеры. Сегодня я доволен собой, или — ТАКАЯ-ТО РОЛЬ МНЕ УДАЛАСЬ; напротив, он постоянно не доверял себе и с робостью выходил на сцену перед незнакомой публикой или в новой роли: Я сам был свидетелем, с каким он страхом выходил на сцену во второе представление комедии г. Чернышева "НЕ в деньгах счастье". Я сидел у него в уборной. Пока его сменяли, он не выпускал из рук роли и с беспокойством останавливался... то на той, то на другой странице.

— Страшно! сказал он наконец.

— Помилуйте, Александр Евстафьевич; разве можно бояться после успеха вашего в этой роли.

— Вот оттого-то я и боюсь. Разве вы не помните, что было в прошлый раз?

При первом представлении "Не в деньгах счастье" Мартынов не только до глубины души взволновал и потряс зрителей своей вдохновенной, гениальной игрой — он явился пред ними совершенно новым человеком: тогда не подозревала, что Мартынов комик — в тоже время актер трагический. Зала тряслась от восторженных криков и рукоплесканий. Несколько литераторов и журналистов поспешили, по окончании пьесы, в уборную Александра Евстафьевича, чтобы выразить ему свое удивление и благодарность. При мне вошли И. С. Тургенев и А. А. Краевский; оба с чувством пожали руку великого художника.

— Что вы со мной сегодня сделали? сказал взволнованным голосом И. С. Тургенев, прижимая Мартынова к груди своей и горячо целуя его.

На это-то последнее обстоятельство и наменял мне Александр Евстафьевич.

— Что, говорил он, если я сегодня сыграю хуже нежели в первый раз?....

Никогда не говорил он и об успехах своих; но прием, сделанный ему в Одессе, был так блестящ и задушевен, что сам Мартынов писал: "никогда еще не встречал я такого приема".

Из Одессы отправился Александр Евстафьевич в Крым и поселился в Ялте. В письмах своих оттуда он с восторгом говорил о роскошной природе и благорастворенном климате, от которых вдал новых сил на новые подвиги; там же начал пить кумыс, который, как мне говорили, вредно подействовал на его желудок. В последних письмах извещал он о скором возвращении своем в Петербург, и о том, что отказался от приглашения на одну из провинциальных сцен, потому что трудное путешествие по дорогам Южной России слишком утомило и ослабило его. Это расслабление было, вероятно, предвестником рокового кризиса, так быстро сведшего его в могилу.

Первая телеграфическая депеша, полученная из Харькова и подписанная гг. Островским, Тургиним и Шербиною, извещала о крайне-опасном положении Александра Евстафьевича; весть об этой депеше молнией разнеслась по городу и подвергла в уныние всех знавших его. Семья его, и не только семья, но и все домашние, совершенно растерялись и могли только пла-

коть. В ответ на депешу была послана отсюда в Харьков другая, с просьбою не падать никаких усилий для спасения Мартинова и сообщить немедленно о ходе его болезни. Получен был ответ, что Мартинов слабеет и, встед за тем, новая депеша возвестила, что, не смотря на усилия лучших врачей Харькова, великий художник скончался 16-го августа.

Теперь, когда удар совершился, когда нельзя уже сомневаться, что мы потеряли Мартинова, всех занимает мысль о будущем его семейства. Успел ли он накопить столько, чтобы обеспечить его? Вряд-ли. Александр Евстафьевич долго боролся с нуждою, долго был единственным поддержкою многочисленного семейства и только недавно достиг относительного благосостояния. Жизнь его долго была цепью лишений и трудов; лишь в последние годы явилась для него возможность приобретать столько, чтобы доставить семье своей, со временем, безбедную будущность. Но в эти последние годы много унесла у него болезнь, а смерть похитила его у семьи в самую нужную, может быть, для нее минуту.

Когда-то Александр Евстафьевич рассказывал мне не сколько эпизодов из своей жизни; я тогда же записал слышанное и, по случаю обеда, данного ему в марте 1859 года, перед отъездом его за границу, петербургскими литераторами, напечатал в одном из временных изданий наших. Биография Мартинова должна быть не только, по возможности, полным собранием фактов из поучительной его жизни, но и серьезным исследованием его художнического поприща; Мартинов был актер гениальный, пробивший новый путь в своем искусстве, а потому его биография должна иметь не только исторический, но и научный характер. Предоставляя этот важный труд другим, и сам не отказываясь совершить его, со временем, я, тем не менее, решаюсь повторить читателям "Русского Инвалида" уже однажды напечатанный мною биографический очерк. При всей своей краткости, он даст некоторое понятие о том, каких трудов стоило МАРТИНОВУ ПОВОРОТ НУЖДУ ДОСТИГНУТЬ благосостояния и занять на нашей сцене первое место, принадлежавшее ему по всем правам.

Отец Александра Евстафьевича, человек очень умный и деловой, управлял делами Екатерины Александровны Сухозанет, которая была очень к нему расположена и принимала живое участие в нем и его семействе. Заметив однажды хорошенького и боного мальчика, его сына, она спросила отца, что он намерен из него сделать? Управляющий отвечал, что уже записал его в Петропавловское училище, а на счет дальнейшей судьбы его не решил еще ничего.

- Отчего же не отдашь ты его в какое-нибудь казенное заведение?

Мартинов объяснил, что сын его, вследствие своего происхождения, не имеет на это права.

- Не хочешь ли определить его в Театральное Училище? Там он может выучиться кономунибудь искусству: делается актером, танцовщиком или музыкантом.

- Я всегда желал сделать моего сына художником, отвечал Мартинов, и был бы счастлив, еслиб мог определить его в Театральное Училище.

Г-жа Сухозанет взялась хлопотать об этом и пригласила к себе, с этою целью, членов тогдашнего Театрального Комитета: князя Гагарина, графа Виельгорского, графа Кутайсова и князя

244

Долгорукова. Князь А.С.Гагарин, от которого главным образом зависело определение молодого Мартынова в Театральное училище, нажимом-то причинам не явился на обед; г-жа Сухозанет написала к нему и послала письмо с обоими Мартыновыми. Князь принял их очень ласково и приказал явиться и управлявшему Императорскими театрами Остолопову, который послал их к члену театральной конторы Гемнигу. Мартынов-отие пошел к нему один и был принят им очень неласково, так что решился отказаться от надежды определить сына. Молодой Мартынов стал готовиться к поступлению в Петропавловское училище, и все мечты об искусстве и артистической будущности были отложены в сторону. Бог знает, что вышло бы из него, еслиб неожиданный случай, о котором любил вспоминать Александр Евстафьевич, не помог ему снова попасть на дорогу, с которой столкнул его неласковый прием г.Гемнига.

Молодой Мартынов гостил у тетки своей, жившей у Казанского моста, в доме Ольхиной, где помещается в настоящее время "Русский магазин". Однажды его послали за чем-то к отцу. Вышед от тетки, Мартынов, вероятно, для сокращения пути, поспешил купить у разношита огромный пряник, и принялся лакомиться на ходу, не обращая внимания на проходящих. За то один из проходивших, какой-то офицер, обратил на него внимание. Он был, вероятно, из благовоспитанных и не понравилось ему, может быть, что хорошенький и опрятно одетый мальчик ест огромный пряник на Невском проспекте. Он остановил Мартынова на Анничковом мосту.

- Как это не стыдно тебе, душенька, есть пряник на улице? - сказал он ему; это неприлично. Брось пожалуйста.

Мартынов послушался и швырнул пряник в Фонтанку.

Такое безусловное послушание тронуло офицера, который, чтоб наградить послушного мальчика, повел его с собой в кондитерскую, помещавшуюся в нынешнем доме Тулякова, угостил его пирожками и купил ему конфет, прося, чтоб он не ел их на улице, а донес до дом. Добрый офицер не подозревал, какие последствия, решит судьбу его, подарит русскому театру великого актера.

Мартынов вышел из кондитерской и пустился бежать домой. Вдруг его остановил чей-то голос.

- Куда это ты бежишь, Мартынов? - закричал ему кто-то.

Мартынов поднял голову и увидал князя А.С.Гагарина.

- Отчего ты не в училище? - спросил строго князь.

Мартынов замялся.

Князь повторил свой вопрос более строгим голосом и испуганный мальчик объяснил, что его не приняли. Князя это удивило. Он приказал, чтоб Мартынов явился к нему с отцом своим на следующий же день, в восемь часов утра. - Да ты знаешь ли кто я? - спросил он в заключение.

- Знаю-сь, отвечал мальчик.

- Кто же я?

- Вы князь.

Но какой князь, этого Мартынов не знал, потому что отец его, говоря при нем с князем, называл его своим сиятельством, а не по фамилии. Назвав себя, князь еще раз повторил приказание явиться на следующий день непременно.

В назначенный час Мартыновы были у князя, который сказал им, что они пришли к десяти часам в училище. В десять часов формальности были кончены и Александр Мартынов уже зачислен в число казеннокоштных воспитанников.

Вряд ли кто, когда нибудь, радовался своему поступлению в школу, как радовался Мартынов; он был совершенно счастлив и принялся с рвением заниматься всем, чему учили в школе. Художническая его природа сказалась скоро; но не скоро удалось ему облизиться с тем искусством, о котором думал на яву и грезил во сне. Театральное Училище, как известно, было основано почти с специальной целью готовить танцовщиков и танцовщиц; музыкальный и драматический классы образовались уже впоследствии. При поступлении в училище Мартынова, они существовали, но танцы продолжали преобладать, и все без исключения воспитанники были обязаны учиться у знаменитого балетмейстера и хореографа Дидло. Мартынов также поступил в его класс и пробыл в нем два года, т.е. до двенадцати-летнего возраста. Он оказал такие успехи, что Дидло, учитель строгий и разборчивый, поставил его в первую пару, т.е. старыл ему дорогу в первые танцовщики. Он и сделался бы, вероятно, танцовщиком, если судьба, покровительница русской драмы, не спасла его. Танцевальный класс лишился своего знаменитого учителя, место его заступили другие, далеко не столь знающие и даровитые, и все танцевальное дело пошло на выворот. Не слыша более грозного голоса, не видя более строгой руки Дидло, ученики танцевального класса стали пренебрегать своим искусством, а Мартынов, которого Дидло никак не выпустил бы из рук, был отдан в ученики декоратору Конопи.

Конопи был ангажирован дирекцией с условием, быть декоратором и иметь двух учеников; так как Мартынов был лучшим учеником рисовального класса, то его и отдали, вместе с Горшенковым, в Конопи. Таким образом, он из танцовщиков чуть было не сделался декоратором. Три года учился он у своего нового учителя, который был в восторге от его успехов и уже видел в нем достойного себе преемника. Но Конопи умер и Мартынов снова остался без наставника. Ему было тогда пятнадцать лет.

Не можем не заметить здесь, мимоходом, что и Дидло и Конопи имели благотворительное влияние на Мартынова: свобода, непринужденность и — когда нужно — изящество движений, даны ему, без всякого сомнения, уроками Дидло; а искусством гримироваться обязан он, конечно, урокам Конопи и занятиям живописью.

Мартынов давно уже завидовал тем из своих товарищей, которые разыгрывали разные пьесы на учебной сцене Училища, готовились в актеры; освободившись от занятий декорационною живописью, он стал также добиваться ролей. Сначала, как неопытному, ему давали роли незначительные; но по свидетельству всех его товарищей, он с первого раза ходил и действовал на сцене свободно, как дома. Ему стали поручать более значительные роли и скоро он обратил на себя, в водевиле: "Знакомые незнакомцы", внимание нового директора театров, А.М.Гедесова. С чувством глубокой благодарности отзывался А.Е.Мартынов об А.М.Гедесове, который первый оценил будущее дарование пятнадцатилетнего мальчика и решительно приказал ему заниматься драматическим искусством, готовиться в актеры. После А.М.Гедесова, должно упомянуть о П.А.Каратыгине, бывшем в то время репетитором, т.е. учителем драматического искусства в Театральном Училище. Он также разгадал дарование Мартынова, принял его под свое особое покровительство: Мартынов со слезами на глазах рассказывал мне, как П.А.Каратыгин, оставшись совершенно доволен исполнением роли, в пьесе "Хитрость служанки", поцеловал его. "Это была первая награда, меня

ободрившая, говорил Мартынов, и я никогда не забуду о ней. И впоследствии, когда Мартынов, будучи еще воспитанником, стал играть на большой сцене, И.А. Каратыгин был постоянно ходатаем за него и заступником.

В первый раз появился Мартынов на большой сцене в пьесе: "Дочь волшебного мира", в роли жокя. Это, впрочем, роль детская и можно бы о ней вовсе не упоминать. Первым же публичным его дебютом была роль Миронки, в известном водевиле Григорьева 2-го, "Филиппа и Миронка, соперники, или четыре жениха и одна невеста", в 1832 году. Дебют был блистательный. Потом он играл за актера Величкина в пьесе "Глухой или полный трактир", и опять имел успех. За тем должно упомянуть об успехе его в пьесе "Жених Лунатик", за которую его вызвали в первый раз одного, а не вместе с прочими актерами.

Успешно начал свое поприще Мартынов, но продолжал его не без труда; быстро приобретая любовь публики, он очень медленно улучшал свое материальное состояние, и долго боролся с тяжелой нуждой. В течение нескольких лет получал он самое незначительное жалование и был единственным подспорьем многочисленного семейства. Много прекрасных черт в этом периоде частной жизни Мартынова, свидетельствующих, что он был такой же благородный и добрый человек, как и великий художник. Скажу, чтобы дать понятие о лишениях, которые Мартынов принужден был переносить, что он часто разучивал свои роли при свете Луны, за неимением сильной свечи! Случилось мне однажды слышать от него и комический эпизод из этого периода его жизни; впрочем, эпизод комический только по внешней своей обстановке, а в сущности соко-драматический.

Как-то удалось Мартынову, благодаря усиленной экономии, шить себе новую пару платья. Он был совершенно счастлив в этот день и целый день прогулился по Невскому, утешаясь как ребенок и в полной уверенности, что все обращает внимание на его новенький с иголочки костюм. Вернувшись и вечеру домой, он принялся учить роль из комедии "Хризомания", а платье бережно развесил на два стула, украшавшие его комнату. Жил он тогда с семейством в нижнем этаже. Утомленный прогулкой и учением, он заснул как убитый и, вероятно, проснулся бы довольно поздно, если бы не разбудил его холод. Проснувшись, он увидел, что окно открыто, и, подошед к окну, чтоб затворить его, заметил, что великолепный костюм его исчез. Каково же было ему идти на другой день на репетицию, в истертом сюртуке и в сапогах с заплатками, тогда как накануне он мечтал о впечатлении, которое произведет его новенький сюртук. Впоследствии первый актер нашей сцены достиг относительного благосостояния; но я не сомневаюсь, что много сил унесли у него лишения и борьба с тяжелой, незаслуженной нуждой.

Замечательно, что одним из самых жарких поклонников Мартынова был известный французский актер Аллан. Однажды, когда Алланас спросили, видел ли он русских актеров и кого он считает лучшим из них, Аллан назвал А.Е. Мартынова актером высоко-де-ровитым, каких он не встречал и на европейских сценах. Должно, впрочем, заметить, что все иностранные актеры, приезжавшие в Россию, ходили смотреть Мартынова и что он пользовался большою известностью в парижском театральном мире. Знаменитый Лабаш был также его поклонником и я сам был свидетелем, как он смеялся своим звонким и густым смехом, потрясавшим его громадное туловище, глядя на Мартынова в "Знакомых незнакомцах".

- Чему смеетесь вы? спросили его; разве вы понимаете?

- По русски не понимаю ни слова, отвечал Лабаш; но понимаю Мартынова.

4

Медленно завоевывал себе Мартынов то место, которое принадлежало ему по праву, которое он должен был бы занять давно. Наша драматическая литература небогата произведениями, которые могли бы служить к развитию дарования в актере, к тому, что бы показать это дарование со всех его сторон. Шритом же, на сцене, не только у нас, но и в других странах, существует род преемничества, основанного на так называемом АМПУА, недозволяющего артисту выходить из известного рода ролей. У нас еще этот пред-рассудок слабее нежели в других странах; но и у нас, еще недавно, при актере, игравшем первые роли, чрезвычайно трудно было добиться до них актеру молодому; и у нас очень редко, и то не без труда, позволялось актеру переменить ампуа. Ты комин, так и играл комические роли, хоть бы и сознал ты в себе трагические чувства. В этом отчасти виновата известная часть публики, которая, привыкнув смеяться над игрою комина, смеется над ним и тогда, когда у иных исторгает он слезы. Вследствие всего этого, Мартынов более двадцати лет нес на себе бремя водевиля, играл перед публикой нехитрых французских пьес, разменивал свой громадный талант на мелкую монету. Но и в этих, недостойных его дарования произведениях, он часто бывал поразителен, велик. Белинский давно уже прозрел в нем великого художника. Мартынов сознавал в своем таланте трагическую сторону, и не раз пытался показать ее публике; но публика, привыкшая видеть в нем только комина, не хотела верить ей. Она рукоплескала своему любимцу, вызывая его; но Кашей, Гирпагон; доведенный до преступления разгульный парень в драме г. Потехина "Чужое добро в прок нейдет" не заставила публику переменить мнение; между тем как сцену смерти в Кашее, сцену потери денег в СКУПОМ, сцену в драме г. Потехина и многие другие, играл Мартынов с потрясающим трагизмом. Драме г. Чернышева "Не в деньгах счастье" было суждено открыться, наконец, публике всю громадность и всеобъемлемость этого гениального актера. И как же удивились тогда, что Мартынов, который ВСЕ СМЕШИЛ, заставил не только тысяч зрителей плакать и трепетать. С этой минуты открылся для Мартынова новый путь, так рано пресеченный смертью: только две роли в том же роде удалось ему создать с тех пор — в "Отце Семейства" г. Чернышева и в "Грозе" г. Островского. Мартынов достиг высшей части гениальных художников русских: подобно Пушкину, Гоголю, Бронзову, Иванову и Глинке, он сошел в могилу в цвете лет, достигнув высшей степени своего художественного развития, не сказав своего последнего слова, не довершив своего подвига.

Осиротела русская сцена — она лишилась лучшего своего украшения, самой могучей поддержки своей. Долго, очень долго останется эта тяжкая утрата незамененною, потому что великие художники не часто являются.

Велико значение Мартынова на русской сцене; оно не умрет, потому что он пробил в искусстве новую стезю. Теперь, после Мартынова, сделавшись невозможен тот ложный взгляд на искусство, который удалил его от жизни и природы; теперь оно все более и более будет сближаться с той и другой, стремиться к правде и истине.

Жизнь Мартынова принадлежит истории русского театра, в которой займет одно из почетнейших мест.

Александр Евстафьевич Мартынов был женат на Марье Павловне Шелиховой, доброй, нежной и любящей подруге, которую любил сам всею силою своей прекрасной души. Он оставил после себя пятерых детей, трех сыновей и двух дочерей. Младшая дочь еще на руках, а старшая играет уже, в прошлом году, в бенефис отца, детскую роль, с необычайными для ее лет тактом и умом, верными признаками дарования. Сыновья его также умны не по летам и мно-

гое обещают в будущем. По субботам, в день свободный от спектаклей, собирались у Александра Евстафьевича, вечером, его родные, друзья, близкие знакомые, в числе которых бывали все известные наши литераторы; на вечерах этих, радушные хозяева, встречавшие каждого гостя как родного, заставляли иногда детей своих разыгрывать целые пьесы, почти всегда строгохудожественного содержания. Один из мальчиков, Александр, малятка лет десяти, удивил меня однажды исполнением роли Фамусова. Я заметил, стоявшему подле меня Александру Евстафьевичу, что малятка произнес несколько слов с поразительной правдой, — А ведь сам, я не учил, поспешил ответить счастливый отец, и слезы блеснули на глазах его. — Два старших мальчика с успехом занимаются музыкой. Третий еще очень мал. Весело бывало видеть Александра Евстафьевича среди его милой семьи, окруженного детьми, которых он страстно любил. Дай бог, чтоб эти пречестные дети помогли своей матери пережить тяжкое горе, так неожиданно ее поразившее...

ВАСИЛЬКО ПЕТРОВ.

/Русский Инвалид, 1860, № 180/